

reasoned by insufficient condition of scientific development of the mentioned object.

Declamation discourse organizing and systematizing social and public activity makes the basis of daily reality of the free person in all variety of manifestation of his social life. It directly depends on all transformational processes according to each stage of development of antique society, and always reflects expectations of antique people, corresponds to their aspiration to reach perfection (golden rule). All ancient verbal art (from big to small genres) is developed under the influence of declamation practices. In the absence of mass influence of the printing word propaganda speaking carries out exclusively the problem of propaganda influence, “creating” public opinion in all public establishments. The antique rhetoric becomes a new trend of development of declamation eloquence and it is predetermined and determined by new social antique conditions.

Attaining goals and objectives the generalized characteristics are given to the antique declamation discourse by the author, social conditionality of its evolution is visually shown; the dependence of the antique declamation discourse on the transformational processes which are taking place in antique social reality is shown too.

The given work can be resulted into such thesis:

1) the antique declamation discourse forms basis of social activity of the antique person, it is developed as the most important element of public life of antique society;

2) the specific antique discourse sets a basis of the public relations of the antique person, and the history of antique declamation eloquence appears as history of lifestyles of antique society.

Keywords: discourse, recitation, rhetoric, society, social reality, performance.

УДК 141.32

Ю. В. Писная

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

И. ИЛЬИН: САМОУБИЙСТВО ЧЕЛОВЕКА КАК ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОТЕРЯ ДЛЯ МИРОВОЙ ГАРМОНИИ

Проанализированы взгляды на проблему самоубийства в философии И. Ильина.

Ключевые слова: самоубийство, воля, жизнь, смерть, гармония.

Русская мысль XIX – первой половины XX вв. представляет собой духовный ренессанс, способствует приобщению к богатствам духовной жизни человечества.

Для философской мысли XIX – начала XX вв. характерным является обращение к религиозным основаниям, поскольку у истоков духовного развития и истории русского народа лежит христианское православие. Проблема человека, его свободы, смысла жизни, смерти и бессмертия, веры, разума, духовного и материального, а также другие философско-мировоззренческие проблемы являются ключевыми как для философии, так и для религии, будучи особенно актуальными для русской философии рубежа вышеуказанных веков.

Русская философия этого периода представлена такими именами, как В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Л. Франк, И. Ильин, С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Толстой, Е. Трубецкой, С. Трубецкой, К. Леонтьев, Н. Федоров и др.

Смена витков в истории, к сожалению, не аннулирует тех деструктивных явлений, что имеют место быть в жизни человека, которые, в конечном итоге, разрушают и саму жизнь. Изучение суицидальной проблематики в контексте работ И. Ильина является актуальным для нас сегодня, поскольку если провести параллели с современностью, раскрывается фундаментальное понимание явления, что возможно лишь с позиции философии. Размышляя о причинах и мотивации суицидальных действий человека,

References

Panteleeva, IA 2008a, ‘Antichnaja ritorika kak jelement istoricheskogo performansa’ [‘Antique rhetoric as part of the historical performance art’]. *Suchasna ukrainistika: naukovy paradigmi movi, istorii, filosofii*, HNEU, Ch.IV, pp.270–277, Kharkiv.

Panteleeva, IA, 2008b, ‘Formirovanie pevuchej deklamacii kak osnovy jazykovoj kul’tury drevnego mira’ [‘Formation melodious recitation as the basis of linguistic culture of the ancient world’], *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional’nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija: «Filosofija. Sociologija»*, Tom 21 (60), № 4, pp. 104–110.

Panteleeva, IA 2009a, ‘Osnovi antichnoi deklamacii jak element performansnogo diskursu ellinizmu’ [‘Fundamentals of classical declamation as an element of performans discourse of Hellenism’], *Aktual’ni filofs’ki ta kul’turologichni problemi suchasnosti*, Vyp. 23, pp. 154–161.

Panteleeva, IA 2009b, ‘Vpliv antichnoi deklamacii na formuvannja muzikal’nih zasad religijnogo diskursu’ [‘Influence on the formation of ancient musical recitation foundations of religious discourse’], *«Dny vědy – 2009»*, Dil 10. *Právni vědy*, Publishing House «Education and Science», pp. 68–70, Praha.

Panteleeva, IA 2011a, ‘Bazisni determinanti antichnogo publicnogo diskursu’ [‘Basic determinants of the ancient public discourse’] *Naukovij visnik Chernivec’kogo universitetu: Zbirnik nauk. prac’*, Vyp.561–562, *Filosofija*, pp. 65–71.

Panteleeva, I 2011b, ‘Social’noe prostranstvo deklamacionnogo diskursu antichnogo mira: monografija’ [‘Social space declamatory discourse of the ancient world: monograph’], Jugo-Vostok publ, Donetsk.

Надійшла до редколегії 03.03.2013 р.

можно отметить, что одними из основных выступают: бедность, эгоизм, утрата веры, потеря смысла в жизни, отказ от Бога и провозглашение «вседозволенности», несчастная любовь, одиночество, пресыщение жизнью, желание установить верх над естественным процессом умирания, стремление посредством самоубийства доказать собственную состоятельность и власть, сложная общественно-историческая, политическая ситуация в стране, где проживает суицидент, шантаж и многое другое. Все эти причины приведены здесь не случайно, поскольку И. Ильин, полагая деструкцию в человеческой личности, предлагает человеку вместо смерти от самого себя – спасение.

Целью данного исследования является анализ феномена самоубийства в философии И. Ильина. Цель достигается путем разрешения следующих задач:

1) рассмотреть феномен самоубийства, деструктивное действие человека в отношении самого себя, как следствие лишений;

2) раскрыть сущность преодоления страха лишений человеком;

3) проанализировать явление смерти как необходимость для жизни, для более полного понимания сути и смысла человеческого бытия.

Базой для данного исследования послужили в первую очередь работы самого же И. Ильина («О сопротивлении злу силою», «Путь духовного обновления»).

И. Ильин отмечал: «Жизнь есть борьба, в которой

мы должны побеждать; а победителем становится тот, кто осуществляет благое и справедливое. Конечно, тут являются искушение и опасности; и каждая опасность есть в сущности угроза. Если рассмотреть все эти угрозы, то все они приблизительно одинаковы: они грозят лишениями» (П' in 1993a, p. 121) [1, с. 121].

Все деструктивные действия человека в отношении самого себя часто являются следствиями тех или иных лишений. Человек, лишившись родной почвы (суицид в русской эмиграции), близкого человека, любви желаемого объекта, семьи, материальных благ, положения в обществе, прежнего устройства собственной жизнедеятельности и т. д., глубоко страдает. И часто эти страдания есть столь невыносимыми, что человек, оказавшись в сложной, как это ему представляется, ситуации, усматривает лишь один, единственно верный и возможный для себя путь и выход – самоубийство. Однако мыслитель по этому поводу заметил, «если я буду бояться таких и им подобных лишений, то мне придется отказаться от главного, предметного успеха в жизни и от победы в жизненной борьбе» (П' in 1993a, p. 121) [1, с. 121]. И далее: «Вечная мысль об убытках может свести человека с ума или уложить в гроб» (П' in 1993a, p. 98) [1, с. 98].

При этом «правилом счастья» или «законом оловянного солдата» И. Ильин называет преодоление страха лишений: «...человек, поставивший себе серьезную жизненную задачу, имеющий великую цель и желающий предметного успеха и победы, должен не бояться лишений; мужество перед лишениями и угрозами есть уже половина победы, или как бы выдержанный «экзамен на победу». Тот, кто трепещет за свои удобства и наслаждения, за свое имущество и «спокойствие», тот показывает врагу свое слабое место, он подставляет ему «ахиллесову пятю» и будет скоро ранен в нее: он будет ущемлен, обессилен, связан и поработан. Ему предстоит жизненный провал...» (П' in 1993a, p. 128) [1, с. 128].

С точки зрения И. Ильина, искусство преодолевать лишения требует от человека двух условий:

1. Должна быть в жизни человека высшая, все определяющая ценность, которую бы он сам любил.
2. Человеку нужна способность сосредотачивать свое внимание, свою любовь, свою волю и свое воображение не на том, чего не хватает, чего он «лишен», но на том, что ему дано (П' in 1993a, p. 127) [1, с. 127].

Таким образом, смысл лишений состоит в «закалке» человеческой воли, и именно так следует понимать жизненные невзгоды, встретившиеся человеку, особенно суициденту.

Осмысливая суть человеческой личности, И. Ильин проводит весьма любопытную аналогию с пылинкой, подобно Б. Паскалю – человек, как песчинка. Так, мыслитель замечает: «Одинокая и безропотная пылинка, бесцельно вращаясь в жизни, носится туда и сюда, как отвергнутый изгой, как праздный вертопрах, как беспризорное дитя мира. Жизнь ее лишена смысла и цели, ибо нет у нее питающей почвы и нет органической принадлежности; ей остается только слоняться в безделки, томиться и бунтовать... Существо, отколовшееся от мира, не участвует в великом хоре вселенной и его личный голос не ведет свою самостоятельную и верную мелодию. Оно не несет совместно с другими бремя мирового бытия; и именно поэтому для него становится невыносимым и личное бремя жизни» (П' in 1993b, p. 181) [2, с. 181]. В сущности, мыслитель не оперирует терминами «суицид», «самоубийство», но весьма

недвусмысленно дает понять, что под «невыносимостью личного бремени жизни» можно усматривать склонность к суициду.

Мыслитель подчеркивает, что «атом мира», который находит свое место в мире и уже не является нелепой случайностью, таким образом, находит личную свободу в мировой необходимости. Лишь в вере и Боге человек способен отыскать гармонию. Но при этом, как отмечает И. Ильин, «свобода веры обозначает и свободу неверия. Нельзя принуждать человека ни к безверию, ни к вере. Обратиться к Богу и уверовать можно только...» (П' in 1993a, p. 114) [1, с. 114].

Смысл человеческой жизни в его духовной укорененности, которую может дать только вера, Бог. «Не бывать человеческому духу без Бога. Человек, отвергнутый и покинутый Богом, утрачивает свою творческую силу: он становится бессердечной, бездуховной, жестокою тварью, бессильной в созерцании и созидании новых, совершенных форм, но тем более способною ко взаимному мучительству и всеобщему разрушению», – писал И. Ильин.

В сущности, в действительности неверие снимает все запреты, в том числе и на убийство, и на самоубийство, что неоднократно пытался подчеркнуть в своих произведениях Ф. Достоевский. Отмеченное И. Ильиным «всеобщее разрушение» нашло свое отражение в русском обществе, в котором человек, возложив на себя неограниченные возможности, должно взял и обязанности, но, оказавшись в вакууме одиночества, не смог справиться. И эпидемия суицидов, нахлынувшая второй волной в 1906–1915 гг., – тому доказательство.

Чтобы удержаться в многообразии жизненных процессов, человеку необходима стойкость, наличие смысла в его жизни. Как справедливо отметил И. Ильин: «Человек должен обладать духовно укорененным характером. Он должен быть подобен городу с единым крепким кремлем, в котором покоятся почитаемые им святые» (П' in 1993b, p. 174) [2, с. 174].

И. Ильин пытался оправдать человека, акцентируя внимание на присущей ему свободе выбора – отказаться от Бога или принять его.

Со стоической уверенностью И. Ильин акцентировал внимание на том, что страданий человеку не избежать, и в этом его судьба, с которой необходимо примириться. В данном контексте философ замечал: «Но надо учиться страдать достойно и одухотворенно. В этом великая тайна жизни» (П' in 1993a, p. 114) [1, с. 114].

Страдание пробуждает дух человека, облагораживает его, образует, оформляет, очищает. Самосовершенствование человека было бы невозможно на земле без страдания. Именно в страдании закаляется стойкость, мужество, самообладание и сила характера, без него нет ни истинной любви, ни истинного счастья. Так, каждому, кто хочет научиться свободе, необходимо преодолеть страдание. И мыслитель приводит в данном контексте весьма емкое замечание: «Страдание есть как бы соль жизни; нельзя, чтобы соль утрачивала свою силу. И более того: страдание есть стремящая сила жизни; главный источник человеческого творчества; тонкий и зоркий учитель меры; верный страж и мудрый советник; строгий призыв к облагорожению и совершенствованию; ангел-хранитель, ограждающий человека от пошлости и от снижения» (П' in 1993a, p. 77) [1, с. 77].

В данном контексте важно заметить, что философ подчеркнул суть страдания, а именно его составляющую – страх. В сущности каждый суицидент, так или иначе,

своей целью имеет уйти любым способом от страдания, прекратить его, остановить любой ценой, но в этом смысле важно уяснить, что дело даже не в страдании, а в сущности неоднозначности экзистенциальной категории страха. «Время страдания состоит, по крайней мере, на одну треть, а иногда и на добрую половину из страха перед страданием», – справедливо заметил мыслитель.

Мыслитель понимал и принимал сущность человека. Он отмечал, что «у каждого из нас бывает иногда чувство, что его силы приходят к концу, что он «больше не может»: «жизнь так тягостна, так унижительна и ужасна, что переносить ее дальше нельзя» (П'ін 1993а, р. 118) [1, с. 118]. Именно из этой точки развиваются намерения суицидента покончить с собой. И нам важно уяснить, какую панацею предлагает философ в борьбе с ощущением невозможности дальнейшей жизни. Прежде всего, остановимся на роли временности всех невзгод и сути явления: каждое событие имеет начало и, соответственно, конец. Отсюда следует, что все проходит, и иллюзия невозможности исчезает каждый раз, когда человек приходит к пику страдания, за которым оно преодолевается им, и в нем откуда-то появляются новые силы. Мыслитель акцентировал внимание на немаловажном аспекте, говоря о том, что мы и сами не подозреваем тех сил, которые нам даны, мы недооцениваем их.

Мыслитель желал человеку духовного терпения. Так, говоря о России, он задавался вопросом о том, «как мог русский народ справиться с этими несчастьями, с этими лишениями, опасностями, болезнями, с этими испытаниями, войнами и уничтожениями? Сколь велика была его выносливость, его упорство, его верность и преданность – его великое искусство не падать духом, стоять до конца, строить на развалинах и возрождаться из пепла... И если мы, поздние потомки великих русских «стоятелей» и «терпеливцев», утратили это искусство, то мы должны найти его вновь и восстановить его в себе, иначе ни России, ни русской культуре больше не бывать...» (П'ін 1993а, р. 114) [1, с. 114]. И в этом призыве чувствуется общественная, «всеядная» подоплека. Ведь подумав о народе, нации, о державе, в конце концов, человеку-суициденту важно сделать выбор в пользу мировой гармонии и оставить себе жизнь, полученную в дар. Но в этом смысле возникает вновь весомое противоречие и проблема – обособленность каждого и всякого друг от друга, от народа, от нации. Интересы отдельной личности важны и нужны только ей, каждый замкнулся в себе и не желает выпустить другого, а главное – Бога. Поставленная на рассмотрение Н. Бердяевым проблема об эгоистической сущности человека, самоубийцы, вновь всплывает на поверхность.

Научившись любить, прощать, отличать доброе от злого и поступать нравственно, человеку необходимо еще научиться справляться со страхом, страданием, поскольку «мы не должны помышлять о бегстве или проклинать свою судьбу; напротив, надо думать о том, как одолеть беду», – писал И. Ильин, веруя в торжество жизни. Для него: «Жить – значит различать, ценить и выбирать; кто этому не научится, тот будет засыпан пылью жизни. Жить – значит укорениться в главном и организовывать из него свой характер и свое мировоззрение; кто не способен к этому, тот сам распадется в прах и потеряет сам себя...» (П'ін 1993а, р. 117) [1, с. 117].

Томление в безрадостной жизни для человека естественно, при том что жизнь без радости не возможна, и нормой есть поиск утешения, но важно, чтобы жизнь

не зависела всегда лишь от внешних обстоятельств, «чтобы мы умели видеть свет и там, где, по-видимому, непроглядная тьма» (П'ін 1993а, р. 117) [1, с. 117].

Человеческая жизнь, по И. Ильину, основывается:

- 1) на управлении самим собою;
- 2) на самовоспитании.

Ведь, с его точки зрения, искусство жить есть искусство воспитывать себя самого к Божественному. В свою очередь, оформленность и меру жизни дает смерть. И. Ильин отмечал: «Как хорошо, что она придет и поставит свою грань» (П'ін 1993а, р. 118) [1, с. 118]. И в этом смысле подчеркивается идея о том, что лишь с осознанием и примирением со своей конечностью человек способен совершенствоваться в жизни, созидать, любить, вершить, ставить цели и достигать их. Сутью жизни есть смерть в том смысле, что, сознавая итог, необходимо многое успеть и прийти к «черте» подготовленным. Суть заключается в завершенности жизни, гармоничной и целесообразной.

Мыслитель отмечал: «И проходя этот жизненный искус, я все более и более убеждаюсь, что в жизни есть многое множество содержаний, занятий и интересов, которыми не стоит жить или которые не стоят жизни; и, напротив, есть такие, которые раскрывают и осуществляют истинный смысл жизни. А смерть дает мне для всех этих различий и познаний – верный масштаб, истинный критерий» (П'ін 1993а, р. 83) [1, с. 83]. Таким образом, смерть становится для человека оформляющим и осмысливающим стимулом жизни.

С точки зрения мыслителя, смерть необходима, прежде всего, для жизни, точнее для более полного понимания сути и смысла в жизни, и видеть в ней следует последнюю дверь, в которую необходимо в свое время входит каждый. Замечу, что И. Ильин, говоря о смерти и завершенности жизни в данном контексте, таким образом, отрицает самоубийство, поскольку самоубийца, как правило, не выдерживая зол земных, не желая работать над совершенностью и завершенностью собственной жизни, собственноручно вершит свою судьбу, точнее, свой конец. Это не есть смыслом жизни, это есть величайшая потеря для мировой гармонии. Завершу данную мысль оптимистической нотой И. Ильина: «И нет такого безрадостного тупика в жизни, которого нельзя было бы проломить молитвою, терпением или юмором» (П'ін 1993а, р. 115) [1, с. 115].

Выводы. Суть жизни заключается в ее осмысленности, а это становится возможным в большинстве своем лишь при осознании своей граничности и смертности природы. В свою очередь, важно заметить, что как раз порой осознание собственной смертности и толкает человека на самоубийство, поскольку он не видит смысла в собственных страданиях, незачем, считает он, их терпеть, если волен самовольно положить край отягощающему мигу. Но это есть позиция неверия, ибо веря, человек сознает бессмертие души, греховность и верит во спасение, что делает его жизнь, хотя и конечной в этом мире, но оформленной, размеренной и осмысленной.

Перспективы. Данная статья выступает основой для дальнейшего исследования феномена суицида.

Библиографические ссылки

1. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин // Путь к очевидности. – М. : Республика, 1993. – С. 5–132.
2. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Путь к очевидности. – М. : Республика, 1993. – С. 133–288.

Пісна Ю. В. І. Льїн: самогубство людини як найбільша втрата для світової гармонії

Проаналізовано погляди на проблему самогубства у філософії І. Льїна.

Ключові слова: самогубство, воля, життя, смерть, гармонія.

Pisna Y. V. I. Ilyin: the suicide of a man, as a great loss for the world of harmony

The analysis looks at the problem of suicide in philosophy I. Ilyina.

The study of suicidal problems in the context of works by I. Ilyin is relevant to us today, as if to draw parallels with the present, reveals a fundamental understanding of the phenomenon, which is possible only from the standpoint of philosophy. Reflecting on the causes and motivations of suicidal actions of man, it can be noted that one of the main are: poverty, selfishness, loss of faith, loss of meaning in life, the rejection of God and the proclamation of the “permissiveness”, unrequited love, loneliness, cloying life, a desire to establish top over the natural process of dying by suicide desire to prove their own worth and power; a complex socio-historical and political situation in a country where suicides, blackmail, and more. All of these reasons are not here by chance as I. Ilyin, believing in the destruction of the human person, offers a person instead of dying from himself - salvation.

The aim of this study is to analyze the phenomenon of suicide in the philosophy of I. Ilyin. This object is achieved by solving the following problems:

УДК 008

О. В. Родный

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрены мифопоэтические источники смеховой культуры. Дионисийские игры, древнегреческая комедия, средневековый карнавал исследованы в их генетических связях с античной мифологией и определены как те формы духовно-практической деятельности, которые стали для культуры традиционализма эффективными инструментами преодоления мировоззренческих противоречий.

Ключевые слова: миф, смех, смеховая культура, мифопоэтическое сознание, символизм смеха, дионисизм, метонимия, древнегреческая комедия.

Смех является одной из антропологических констант существования человека; он сопровождает человечество на протяжении всей истории его существования. Смех можно рассматривать как важнейший элемент онто- и филогенеза мифологической культуры; функции смеха в обществе и отношение к нему служат показателями культурного и общественного развития, социальных, политических и идеологических ориентаций общества.

Смеховая культура – неотъемлемая часть любого общества – своими корнями уходит в миф, для которого, в свою очередь, характерны противоречия, смещения смыслов, смены, подмены, путаницы и т. д. Все это разворачивается в оппозиции: «порядок – хаос». Для мифологии смеха характерно то, что порядок того или иного предмета или явления дается в форме беспорядка, хаоса (в той или иной степени). Если нарушена структура предмета, – мы имеем ту или иную меру деструктивности. Если нарушены смыслы, – мы имеем путаницу, определенную меру бессмысленности. Все эти аспекты и лики хаоса даны человеку для преодоления. Смеховая культура и является способом разрешения указанных противоречий. При этом противоречие тем острее, чем ближе человек находится к границе своего постижения мира. Именно в пограничной зоне, наиболее вероятно противоречия смещения меры вещей, характерные для мифа.

Таким образом, смех является своеобразным маркером, характеризующим состояние общества.

1) consider the phenomenon of suicide, destructive action of man against himself, as a consequence of deprivation;

2) reveal the essence of a person overcome the fear of hardship;

3) to analyze the phenomenon of death as a necessity for life, for a more complete understanding of the nature and meaning of human existence.

The essence of life lies in its conciseness, and it becomes possible for the most part only in the knowledge of its boundary and the death of nature. In turn, it is important to note that just sometimes awareness of their own mortality drives people to commit suicide because they did not see the point of their own suffering, there is no need, they think, they endure, if the world is free to end it. But this is a position of disbelief, for believing man there is aware of the immortality of the soul, sin and believes in the salvation that makes his life, although the ultimate in this world, but executed, measured and sensible.

Keywords: suicide, will, life, death, harmony.

References

1. Il'in, IA 1993a, 'O soprotivlenii zlu siloju. Put' k ochevidnosti' ['On the resistance to evil by force. Path to the evidence'], Respublika publ., pp. 5–132, Moscow.

2. Il'in, IA 1993b, 'Put' duhovnogo obnovenija. Put' k ochevidnosti' ['Path of spiritual renewal. Path to the evidence'], Respublika, pp. 133–288, Moscow.

Надійшла до редколегії 04.03.2013 р.

Это и другие свойства смеха еще с античности привлекали внимание исследователей. Определяющее влияние на теорию смеха имели взгляды Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, выделивших аксиологические, эстетические, этические параметры смеха. Второй традицией, оказавшей воздействие на понимание смеха, стала немецкая классическая философия, представленная трудами И. Канта, Г. Гегеля, Ж.-П. Рихтера и локализовавшая феномен смеха в сфере взаимодействия субъекта и объекта смешного. Третья традиция реализована в работах представителей иррационалистического направления: А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда. Двое последних посвятили исследованию смеха специальные труды, оказавшие определяющее влияние на исследования в XX в. Теория смеха М. М. Бахтина, выстроенная им в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», послужила стимулом для дальнейшего изучения смеха. В науке постсоветского пространства проблемами смеха плодотворно занимаются Д. Затонский, А. Сычев, Л. Карасев, М. Рюмина и др. Целью данной статьи является рассмотрение мифопоэтических истоков смеха, его роли в инверсии мифологического сознания.

Греческая, а позже и римская, народно-смеховая культура опирается на древнюю мифологическую традицию, признающую за смехом сакральный статус. В скульптуре архаичные греческие божества изображались